

Д. В. Возчиков

Уральский федеральный университет

**«Сердце-компас»: поэт Вэнь Тяньсян
о конце династии Сун**

Вэнь Тяньсян (文天祥, 1236–1283), крупный государственный деятель и военачальник, стал последним в плееде поэтов южносунской эпохи. В его поэзии нашли отражение многие события, связанные с завоеванием монголами империи Южная Сун. Основываясь на поэтическом наследии Вэнь Тяньсяна, мы можем проследить, какие персоналии и события, запечатленные в исторической традиции Китая, более всего вдохновляли интеллектуала-воина на противостояние завоевателям и на преданность уже павшей сунской династии, как воспринималась им эпоха, одним из главных действующих лиц которой он был.

Вэнь Тяньсян получил классическое конфуцианское образование, в 1256 г. занял первое место на экзамене на степень *цзиньши*, получил ряд высших постов в государственном аппарате южносунской империи, включая пост *чэнсяна* (канцлера). Наделенный храбростью и огромным честолюбием, он был непреклонен в стремлении продолжать сопротивление ударам крепнущей империи монголов. Монгольский хан Хубилай в 1271 г. провозгласил начало новой императорской династии Юань, претендуя на исключительную легитимность в Поднебесной. В 1276 г. Вэнь был отправлен к монголам для переговоров о перемирии, однако проявил на переговорах неуступчивость и был схвачен, но сумел бежать. Вскоре после этого Вэнь Тяньсян лично собрал отряды народных ополченцев и возглавил военный поход против монголов¹. Поход окончился поражением сунцев, а Вэнь был пленен юаньским полководцем Чжан Хунфанем. Это произошло незадолго до гибели последнего сунского императора в 1279 г. Вэнь Тянь-

¹ 何忠礼. 南宋全史. 上海, 2011. (Хэ Чжунли. Наньсун цюаньши: (Полная история Южной Сун) в 2 т. Шанхай, 2011. Т. 2. С. 298.)

сян был привезен в ханскую столицу Дадун (Пекин) и заточен в тюрьму, где написал одно из лучших своих произведений — поэму «Чжэн цигэ» («Песнь моему прямому духу», 正气歌)². 9 января 1283 г. он был казнен за отказ служить Хубилаю. По свидетельству «Сун-ши», династийной истории Сун, составленной в конце правления юаньской династии, после смерти поэта на его одежде было обнаружено поэтическое завещание (*цзюэби*). В нем Вэнь Тяньсян писал, что лишь следуя учению Конфуция и Мэн-цзы о человечности и долге, постигая его через священные книги, человек может не стыдиться своих дел³.

При характеристике отображения эпохи в поэзии Вэнь Тяньсяна уместным будет обращение к особенностям восприятия периодов войн и раздробленности в китайской традиции. Немалые возможности для этого дает понятие имажинарного, «система снов общества, снов цивилизации, трансформирующей реальность во вдохновенные духовные видения», по выражению видного французского медиевиста Жака ле Гоффа⁴. Война негативно характеризуется в конфуцианской системе ценностей. Такое отношение переросло в презрение ученого сословия к военному делу. Храбрость (*юнь*, 勇), по мнению самого Конфуция, — качество нравственно нейтральное, которое может обернуться бедствием для государства, если храбрец пренебрегает своим долгом: «Благородный муж, храбрый, но не знающий долга, вызывает смуту (*луань*, 乱)» («Луньюй», XVII, 23). Крупнейший поэт времен династии Тан Ли Бо (701–762) так представляет события далекой эпохи Чжаньго: «Во время Борющихся царств какие были смуты! / Войска, как тучи быстрые, мешались в беспорядке» (战国何纷纷。兵戈乱浮云)⁵. Основная идея этого стихотворения Ли Бо — предостережение о том, что борьба вельможных группировок подрывает нравственные устои государства и может привести к его сползанию в состояние *луань*. Далее он рассказывает не только про войны древних царств, но и про ожесточенную борьбу кланов внутри каждого из них, в которой даже убийство монарха, как это произошло в царстве Ци, не преграда

² 文天祥集.太原, 2008. (Вэнь Тяньсян цзи (Собрание сочинений Вэнь Тяньсяна). Тайюань, 2008. С. 148–149).

³ 何忠礼. (Хэ Чжунли. Указ. соч. С. 300.)

⁴ Ле Гофф Ж. Герои и чудеса Средних веков. М., 2011. С. 8.

⁵ Ли Бо. Дух старины: Поэтический цикл. М., 2004. С. 139 (здесь и далее перевод мой. — Д. В.).

для рвущихся к власти интриганов. В понятии *луань* закрепились прочная связь между насилием, войной, установлением нелегитимной власти, а также и утратой правящей династией легитимности.

Поэт и видный сановник эпохи Северной Сун Су Ши (1037–1101), обличая военачальников, писал в докладе императору: «Любовь к войне напоминает мне любовь плотскую, сладострастье»⁶. Война, как и варвары, относилась китайскими интеллектуалами к области темного и необузданного, понятие воинственности (у, 武) противопоставлялось высокой культуре (вэнь, 文). В имажинарном Китае персонажи и символы, непосредственно связанные с войной, действительно находились в тени более возвышенных образов государства, семьи и природы. Как следствие, мужество и доблесть тех военачальников, чьи деяния, по мнению того или иного автора, были достойны, описывались обыкновенно через те же эпитеты, что и добродетельные качества гражданских сановников.

У Вэнь Тяньсяна война между Южной Сун и монголами, кончившаяся завоеванием Хубилаем всего Китая, изображается именно как *луань*⁷. Как катастрофа, гибель государства, разрушение вселенской гармонии и синоцентрической картины мира, когда земли всей Поднебесной — даже Цзяннань, который до монголов не удавалось покорить никому из вторгавшихся в Китай кочевников, — впервые оказываются под властью «варваров», «тигров и волков». Смута у Вэнь Тяньсяна — главное понятие, связанное с войной. Ассоциации войны с некитайским, чуждым, варварским утвердились в образной системе Китая в силу постоянных столкновений с кочевым миром.

В 1276 г. Вэнь Тяньсян, возвращаясь во владения Сун, пишет стихотворение «Река Янцзы»: «Мое сердце точно компас, / Та магнитная игла, / Что не кончит колебаться, / Пока к югу не укажет!» (臣心一片磁针石, 不指南方不肯休)⁸. Здесь в ярком и запоминающемся образе представлено стремление поэта-воина во что бы то ни стало продолжить сопротивление Хубилаю. Сердце сановника, верного престолу, обращено к месту пребывания императора — сакральной оси китайского мира.

⁶ Алексеев В. М. Труды по китайской литературе : в 2 кн. М., 2002. Т. 1. С. 509.

⁷ 文天祥集. (Вэнь Тяньсян цзи. С. 116.)

⁸ Там же. С. 89.

Пожалуй, одно из наиболее известных стихотворений Вэнь Тяньсяна — «Проезжая Линдинъян» — написано в плену у юаньского полководца-ханьца Чжан Хунфана в 1279 г. незадолго до последнего сражения юаньских и сунских флотов. Чжан, восхищенный мужеством и поэтическим даром Вэня, тщетно требовал от пленника написать послание последним сунским отрядам во главе с генералом Чжан Шицзе с просьбой сложить оружие. Ответом Вэнь Тяньсяна было стихотворение, заканчивающееся словами: «Из людей с времен древнейших кто от смерти уберется? / Пусть на летописи ляжет отблеск искреннего сердца!» (人生自古谁无死, 留取丹心照汗青)⁹. Для Вэнь Тяньсяна подданный, остающийся во время смуты до конца верным долгу, отказывающийся сменить повелителя перед страхом смерти, подлинно побеждает смерть.

19 марта 1279 г. Вэнь Тяньсян находился в плену на юаньском судне¹⁰. В этот день он стал очевидцем кровавого морского сражения при Яшане, решившего судьбу Южной Сун. В конце боя министр Лу Сюфу вместе с семилетним императором Ди Бином бросился в море. В стихотворении «Южное море» («Наньхай») Вэнь оплакивает гибель династии Сун и верного ей флота: «Павших воинов столько — / не сочтешь, что соломы в поле. / Даже волны морские / источают тления запах... / Дикий яростный ветер / треплет злобно мои седины»¹¹. Картина разгрома представлена им с натурализмом очевидца сражения. Примечательно, что юаньцы в стихотворении «Южное море» вообще не фигурируют, побоище у Яшаня здесь напоминает стихийное бедствие. Смута-луань, которая смела Южную Сун, обрушивается и на природу, и на народ.

И после гибели династии Вэнь Тяньсян отвечал отказом на увещевания Чжан Хунфана перейти на службу новым правителям Китая. Он обратился к примеру двух персонажей исторической традиции: «Бо И и Шу Ци отказались есть зерно Чжоу»¹². Бо И и Шу Ци — образы, вдохновлявшие Вэнь Тяньсяна, еще Конфуцием и Мэн-цзы

⁹ 文天祥集. (Вэнь Тяньсян цзи. С. 97.)

¹⁰ Davis R. Wind against the Mountain: the Crisis of Politics and Culture in 13th Century China. Cambridge, 1971. P. 222.

¹¹ Китайская классическая поэзия / пер. И. Смирнова. М., 2008. С. 170.

¹² 文天祥集. (Вэнь Тяньсян цзи. С. 107.)

рассматривались как идеал верности, нравственной чистоты и чувства собственного достоинства: после свержения династии Шан чжоусцами они отказались принять новых правителей, ушли отшельничать и умерли от голода.

В «Чжэн ци гэ» (1281) Вэнь Тяньсян размышляет о природе прямоты и описывает самые яркие, по его мнению, примеры проявлений праведного духа в истории: «В Ци он был доской хрониста, / В Цзинь был кисточкой Дун Ху, / В Цинь был молотом Чжан Ляна, / В Хань — был славным стягом Су»¹³. Первым в этой галерее китайской героики представлен отнюдь не воин, а астролог-хронист (*тайши*) древнекитайского царства Ци, смело записавший в анналы факт убийства своего государя, несмотря на угрозы со стороны убийцы, могущественного временщика Цуй Чжу. Но в его записях фигурируют и герои-воины, например, знаменитый военный деятель периода Троецарствия Чжугэ Лян или полководец танской династии Чжан Сюнь. Последний был столь полон гнева к врагу, возглавившему мятеж и пытавшемуся узурпировать трон военачальнику из «варваров» Ань Лушаню (что особенно напоминало поэту положение, сложившееся в его эпоху), что в ярости раскрошил собственные зубы. Воинская доблесть, как мы видим, здесь не рассматривается как самостоятельное качество. Для обозначения и преданности чиновника, и воинской доблести, также понимаемой именно как преданность, Вэнь Тяньсян использует конфуцианское понятие *чжэн* — «прямота», «праведность», «непреклонность», умение оставаться неизменным при любых превратностях судьбы.

Деяния всех двенадцати исторических персонажей, примеров мужества и верности, вошедших в имагинарное Китая, показаны поэтом как воплощения *чжэн ци*, праведного духа, наполняющего вселенную. Праведный дух пронизывает Небо и Землю, воплощается в горных пиках и реках, в небесных светилах, в этом же *чжэн ци* кроется основа «трех устоев» (*сань ган*) на трех уровнях взаимоотношений внутри конфуцианского общества: отец — сын; правитель — чиновник; муж — жена. Чтобы представить значимость и полисемичность понятия *ци* в китайской традиции, следует обратиться к размышлениям поэта-монарха периода Троецарствия Цао Пи, который считал

¹³ 文天祥集. (Вэнь Тяньсян цзи. С. 148.)

одухотворяющую все живое субстанцию ци не только жизненной силой и духовным началом человека, но и решающим моментом в литературном творчестве¹⁴. В предисловии (*сюй*) к «Чжэн ци гэ» Вэнь пишет, что вдохновился следующими словами Мэн-цзы: «Я умею питать свой беспредельный дух» («Мэн-цзы», III, 2) и что один его «прямой дух» в темнице противостоит семи испарениям внешнего мира: сырости, духоте, грязи, жаре, зловонию гниющего зерна, тел измученных сокамерников и трупа¹⁵. Здесь лишь внутреннее достоинство конфуцианской личности может сопротивляться окружающей смуте. *Чжэн ци* у Вэнь Тяньсяна в конце песни отождествляется с *гудао*, дао древности. *Чжэн ци* — это также и непрерывность культурной традиции, что делает «прямой дух» и его воплощения в истории источником творческой силы поэта, помогающей оставаться непреклонным и в бою, и перед лицом казни, и в заточении. Враг в песни так и не появляется, автор брезгливо избегает упоминания о новых правителях Китая, которых считает варварами-узурпаторами и в предисловии называет просто «северным двором»¹⁶. Династия для Вэнь Тяньсяна оставалась только одна — уничтоженный дом Сун.

Образ эпохи падения Южной Сун в поэзии Вэнь Тяньсяна, отмеченной ярким автобиографизмом, включает как картины бедствий страны и семьи, так и возвышенные образы носителей «прямого духа», пронизывающего время и пространство. Естественно, что для поэта-воина эпоха смены династий была именно временем катастрофы — гибели Сун, а не утверждением Юань, которую Вэнь Тяньсян отказывался признавать законной властью.

Посмертная судьба *чэнсяна* Вэня также представляет немалый интерес для исследователя. Вэнь Тяньсян после того, как был казнен за отказ служить новой династии, сам стал в историописательской традиции в некотором роде олицетворением эпохи утверждения династии Юань, а также частью имажинарного Китая, примером стойкости и верности долгу для потомков. После того, как в 1368 г. монгольская династия была свергнута, при первом минском императоре Чжу Юаньчжане в честь Вэнь Тяньсяна был воздвигнут храм. Внимание

¹⁴ Лисевич И. С. Мозаика древнекитайской литературы. М., 2010. С. 359.

¹⁵ 文天祥集. (Вэнь Тяньсян цзи. С. 148.)

¹⁶ Там же.

династии Мин к полководцу, до конца сопротивлявшемуся завоевателям, вполне показательно. Характерно и то, что в период правления династии Цин (иноземной, как и монгольская Юань) «Чжэн цигэ» удалялась из официальных поэтических антологий. Впрочем, как историки династии Юань отдали должное мужеству противника, так и цинские императоры оказывали столичному храму Вэнь Тяньсяна покровительство. В XX в. в период формирования китайского национализма образ поэта-легитимиста приобрел новое звучание. Особой популярностью он пользовался в период Войны Сопротивления. К наследию Вэнь Тяньсяна неоднократно обращался и Мао Цзэдун. Во внутреннем дворе храма до сих пор сохраняется старинное дерево жужуба, по преданию, посаженное пленным Вэнь Тяньсяном. Изогнутый ствол дерева обращен на юг.

阿列克谢·梅西斯基

乌拉尔联邦大学（俄罗斯）

韦晓英

曲阜师范大学

中国知识分子看待福音书的视角

首先需要说明的是，我们所谈及的这个话题本质上来说是无穷无尽的，关于该话题的文献也非常之多，使得完全地阐释这个话题变得更为复杂。然而，我们也有自己谈及该话题的理由。中国的俄语学习者，尤其是研究生，不可避免地会遇到东正教词汇成语，以及反映在俄罗斯文学中的东正教传统，他们在文本中寻找打开俄语和俄罗斯文化的钥匙。于是解读圣经尤其是福音书成为找到这把钥匙的关键所在。当然，最刻苦的中国学生在阅读福音书中都会遇到困难，哪怕是阅读汉语版的福音书。究其原因，中国人很少接触东正教文化，俄罗斯人则相反，所以中国人理解圣经很困难，俄罗斯人则因为太熟谙圣经，反而倾向于不进行宗教反思。

俄罗斯人也在这篇文章中看到趣味，使俄罗斯东正教文化根基由不可捉摸变得外显的趣味。俄罗斯人自童年起就习惯性地认为：»我们所有人«生而有罪（все мы грешны）。这种想法应该重新挖掘其含义，重新表达自身文化的根基。为什么»我们所有人«